

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Ч а р о д е й из мира сказок

Театр заговорил в нем с раннего детства. Импульс возник от прочитанных книг и от музыки, культ которой тщательно поддерживался в доме отцом. В семье играли на гармонии, скрипке, виолончели, гитаре, флейте... От домашнего музицирования недалеко и до домашнего театра. Для Миши Андросова он начинался скорее как театр музыкальный. У мальчика был прекрасный голос, и он рано познал волшебное воздействие искусства на людей, когда пел для мамы, тем самым порой спасаясь от верной порки. Играл, конечно, и в школьных спектаклях. А свою «первую этапную роль» сыграл в 15 лет, когда читал маме вслух письмо от двоюродного брата из Ленинграда и полностью симпровизировал текст: из импровизации следовало, что брат зовет Мишу в Ленинград.

Пока ему не исполнилось шестнадцать, в Ленинграде учиться его не взяли, и Миша пошел работать осветителем в филармонию, и там ему довелось увидеть и услышать все лучшее, что было тогда в опере, инструментальной музыке, балете, драматическом искусстве и искусстве художественного слова.

Очень скоро обнаружилось, что и собственные возможности Андросова весьма многогранны. Его сразу же приняли на цирковое отделение Театрального института и даже взяли в уже готовые номера: он был идеальным «верхним» — легким, гибким, бесстрашным, с ходу повторял сложнейшие элементы акробатики, на усвоение которых тратятся годы. Чуть позднее такая же природная одаренность выявилась и в танце. Но он мечтал о драме, о романтическом театре и, узнав, что Большой Драматический театр объявляет набор в техникум сценического искусства, держал туда экзамен и был принят уже после первого тура. Это был 1930 год.

Поскольку Андросов невысокий, хрупкий и всегда обладал естественной, как у ребенка, грацией, в БДТ ему были отданы все детские трагедийные роли. Он был замечен, обласкан, на него специально приходили смотреть. Воспитывали в театре требовательно, жестко. Четыре года Миша Андросов фактически жил в театре — от 8 утра до 12 ночи. Его учил А. М. Смирнов, ученик Вс. Мейерхольда. За ним и отправился Андросов в свой первый театр на постоянную работу — в Донбасс, в город Константиновку.

Влюбленность в режиссера, верность ему, преданность — вот одно из первейших качеств Андросова-актера, выдающееся в нем старую школу. В его жизни были плохие режиссеры, были периоды, когда репертуар складывался так, что ему нечего было играть при всей универсальности его дарования. Но его рассказы о своей творческой жизни неизменно звучат как поэма о режиссере. И в Центральном детском театре в 1937 году Андросов пришел за режиссером В. Ф. Дудиним, с которым работал перед этим в Ленинградском театре драмы. Думал ли актер тогда, что именно детский театр станет его судьбой навсегда? Что именно здесь в ролях зверюшек, чудаков, злодеев в полной мере раскроются его талант, доброта, мудрость? Ему было чуть за двадцать. За плечами — с десяток ролей. Среди них — Петр в «Последних», Скапен в «Проделках Скапена», Швандя («Любовь Яровая»), Гога («Человек с портфелем»)...

Когда почти пятьдесят лет

отдано одному театру, как рассказать на нескольких страничках обо всем, что сделано актером? Или о том, что так хотелось сделать! О несыгранном Хлестакове, Ромео, Арбенине в «Странном человеке» Лермонтова. Ролях выношенных, прожитых, но почему-то так и оставшихся мечтой. Как свести богатство личности к краткой формуле зарисовки? Многим приходится поступиться, пожертвовать. Остановилось лишь на тех моментах творчества артиста, которые, как мне кажется, более всего выражают его сущность. Это моменты встречи мира природы, мира сказки и мира музыки. Или же роли классические, увы, нечастые.

В театре поставить и сыграть сказку так же трудно, как в литературе ее написать. Истинные сказочники

образ тем, что замечательный театальный художник В. Дмитриев, который оформлял «Сказки» и сделал тринадцать вариантов маски для Петуха, прежде чем нашелся оптимальный, в сердцах сказал как-то Андросову: «Тебе, вообще маска ни к чему. В тебе нет ничего непетушиного». И в самом деле, Петух, как позднее Козел в «Кошкином доме», а потом Кот из китайской сказки «Волшебный цветок» и божественная обезьяна Хануман из «Рамаяны», был чудом перевоплощения Андросова, его шедевром. Н. Сац, которую меньше всего можно заподозрить в легкой раздате комплиментов, однажды на Брянцевских чтениях сказала, что знает трех советских актеров, лучше которых никто не играет животных: Москвин, Ильинский, Андросов...

тера и так красиво продолжал линию полета длинный его плащ.

В 1959 году, когда Андросов был уже признанным мастером, заслуженным артистом РСФСР, журнал «Театр» опубликовал статью о нем, в которой автор сетовал на то, что в репертуаре актера в основном отрицательные роли. В самом деле, Андросов сыграл Репетилова и Белогубова, Григория Отрепьева и Ромашова в «Двух капитанах», Кресало в «Волынщике из Страколиц» и плута Даукиса в «Оливере Твисте». О нет, он не играл их злодеями. Напротив, каждый из них, даже Ромашов, был по-своему убедителен, одержим страстью, идеей, обаятелен, умен, именно поэтому вызывал интерес, а не просто неприязнь.

С тех пор изменились к Андросову и режиссеры, увидя в нем некое иное качество. И если прежде вся жизнь артиста была служением режиссерскому замыслу, мобилизацией всех творческих и человеческих возможностей на осуществление режиссерского замысла, то в последнее время случается, что и сам режиссерский замысел рождается потому, что есть Андросов. Так, например, в спектакле «Антон и другие» А. Казанцева, поставленном главным режиссером ЦДТ А. Бородиным, сама идея ввести в действие танцевальные проходы — от выпускного бала надежд до финального медленного вальса старости — возникла благодаря Андросову. Именно он станцевал в этом спектакле жизнь человека и был корифеем «танцевального хора».

В «Отверженных» Андросов тоже сыграл корифея, пережившего свой хор, — старого роялиста Жильнормана, умеющего то, что уже никому не нужно: носить колоты, жабо и длинные кружевные манжеты, сохранять верность королю, которого уже нет, идти одному против всех и любить преданно, бескорыстно.

Последняя работа М. Андросова — скрипач Циммер в инсценировке «Алых парусов» (пьеса Новеллы Матвеевой «Предсказание Эглы»), где андросовский скрипач Циммер и его бродячие музыканты преодолевают сопротивление бездуховной и лишенной слуха среды лавочников. И Алые паруса корабля Грея, и Ассоль наполняют не только морской ветер, любовь и мечта, но и музыка маленького оркестра.

В полноценной труппе, как в хорошей семье, особое место занимают старики — носители мастерства, традиции, мудрости. В театре для детей роль старейшин еще возрастает: без них нет нравственного воспитания, прерывается связь времен. В Центральном детском театре есть актер, который определяет не только высшую границу профессионализма труппы, но и эталон служения Искусству.

Хотя Михаил Трофимович Андросов едва ли не старшее всех в коллективе, ни стариком, ни старейшиной его не назовешь. Ему больше подходит звание дуайена — изящное и чуть архаичное, с почти забытым благородством манер и с неким секретом ремесла.

И. МЯГКОВА.

М. Андросов, заслуженный артист РСФСР.

редки. Андросов принадлежит к их числу. В сказках же он больше всего любит животных. Как, впрочем, и в жизни. Не только может говорить о них часами, но и постоянно создает вокруг себя некое магнитное поле доброты, куда устремляется за кормом и лаской все, что бежит, летает и ползает. Почти круглый год живет на даче под Москвой — не из-за воздуха, а потому, что надо кормить дюжину приходящих кошек, не считая своих собственных. А еще птицы. И даже шмели и пауки — он любит всех. Когда готовился сыграть одну из знаменитых своих ролей — Петуха в «Сказках» Маршак, все лето в Солотче, куда привез его К. Г. Паустовский, наблюдал за петухом, который жил вместе с ними в доме на равных и в свою очередь («глупых животных не бывает» — утверждает Андросов) внимательно наблюдал за людьми, изучая их повадки. Они подолгу разговаривали, и Михаил Трофимович тогда так постиг язык своего нового приятеля, что мог, если хотел, увести от него кур. Однако не злоупотреблял этой своей возможностью.

Кончилось это вживание в

В чем же секрет Андросова-анималиста? В том прежде всего, что он играл то, что с детства знал и любил. В том, кроме того, что одним из первых в театре для детей Андросов осознал необходимость такого же уровня исполнительской культуры, какого достиг к тому времени театр «взрослый», опирающийся на систему Станиславского, идущий от психологической разработки характеров. И, наконец, в том, что актер одарял своих персонажей тем, чем в высшей степени был одарен сам, — пластичностью, музыкальностью, танцем. Все его животные существовали в том особом музыкальном ритме, который можно заметить и в природе, стоит лишь подобрать подходящую музыку. Петух в «Теремке» выступал, охорашивался и петушился под мазурку — эдакий шляхтич в среде простолудинов. «Отрицательный» Кот в китайской сказке сочетал мягкую партерную акробатику с восточной подробностью жеста, с танцем. А доблестный воин Хануман, способный летать по воздуху, у Андросова и в самом деле словно перелетал из кулисы в кулису — так длинен был прыжок ак-